

Дирекция Национального археологического
и природного парка «Батаково»
ул. Андрианова, 28, Омск, 644077, Россия
E-mail: sher-olga1984@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУЗГУНСКОЙ И ИРМЕНСКОЙ КУЛЬТУР НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ: ФОРМЫ, МЕХАНИЗМЫ И ИТОГИ

Публикация посвящена проблеме взаимодействия сузгунской и ирменской культур на территории Среднего Прииртышья в конце эпохи бронзы. На основе анализа археологического материала ряда памятников выявлены особенности смешанного типа посуды, реконструированы формы, модели и итоги межкультурного взаимодействия, определены роли обеих культур в этом процессе. Исходя из картографирования сузгунских и ирменских памятников, определены ареалы обеих культур и места их наложения друг на друга (зона северной лесостепи и предтайги), где зафиксированы наиболее интенсивные интегративные процессы.

Ключевые слова: Среднее Прииртышье, археология, поздний бронзовый век, сузгунская культура, ирменская культура, керамика, взаимодействие.

Выделенные в Среднем Прииртышье позднебронзовые культуры, либо культурные типы, способствовали, главным образом, построению относительной культурно-хронологической схемы Прииртышских древностей [Генинг и др., 1970]. Исходя из таких задач, каждая археологическая культура региона изучалась в качестве самостоятельного феномена, без специальной проработки вопросов, связанных с межкультурными взаимодействиями. В этой связи возникла необходимость качественно иного взгляда, который поможет раскрыть глубинные процессы в развитии не столько отдельных археологических культур (что уже не раз было сделано исследователями), сколько способствует детальному изучению механизмов и итогов их взаимодействия между собой. В нашем случае основное внимание будут привлекать именно переходные типы, не характеризующие культуру как таковую, но являющиеся ярким свидетельством межкультурного взаимодействия. Конкретная задача в рамках проблемы, на решение которой направлена предлагаемая статья, – выделение и изучение форм, меха-

низмов и итогов этнокультурного взаимодействия в позднем бронзовом веке и в переходное время на территории Среднего Прииртышья. В связи со слабой изученностью именно этнокультурного аспекта, предлагаемая работа позволит по-новому оценить процессы, имевшие место на Прииртышской земле в конце II – начале I тыс. до н. э.

Подход к обозначенной проблеме основан на реконструктивном изучении процесса и восприятию явления в качестве системы, где каждый элемент либо их совокупность образует строгую взаимосвязь внутри интересующего нас явления. Элемент системы – это просто образующие ее структурные единицы, тогда как процесс можно определить как взаимодействие элементов системы, протекающее во времени по мере того, как одно состояние системы сменяется другим. Для изучения отдельных элементов системы будет использована группа методов, наиболее подходящих для решения каждой конкретной задачи в рамках исследования: сравнительно-исторический, историко-типологический, методы

статистической обработки материала, а также метод планиграфирования и картографирования.

Работа посвящена анализу позднебронзового материала памятников Среднего Прииртышья. В центре внимания – сузгунская и ирменская культуры. Источниковой базой работы является керамика – самая многочисленная категория находок на памятниках Среднего Прииртышья, на основе анализа которой наиболее ярко выражается взаимопроникновение орнаментальных схем между обеими культурными традициями, возникновение синкретичных групп посуды. Несмотря на частичное освещение озвученной проблемы в литературе [Шерстобитова, 2008а; 2008б; 2010; Шерстобитова, Полеводов, 2009], необходимо еще раз обратиться к ней с привлечением расширенной базы данных и обобщением уже имеющихся материалов.

Ареал распространения сузгунских памятников на территории Среднего Прииртышья охватывает южно-таежную, предтаежную и лесостепную зоны¹. В южно-таежной зоне сузгунские материалы представлены на всех памятниках эпохи поздней бронзы, часто – совместно с «крестовой» и красноозерской посудой (рис. 1, 12–16). В лесостепной зоне «чистые» сузгунские комплексы известны лишь на территории Ишимо-Иртышского междуречья (бассейн больших Крутинских озер). Восточнее описанного района в лесостепи поселения сузгунской культуры расположены эпизодически по террасе р. Иртыш. По правому притоку (р. Тара) памятники сузгунской культуры отмечены вплоть до Барабинской лесостепи. На территории лесостепного Прииртышья, вдоль Иртыша сузгунские материалы на памятниках практически всегда встречаются совместно с ирменскими. Южнее встречаются лишь единичные фрагменты сузгунской посуды на ирменских поселениях.

К собственно ирменским достоверно можно отнести лишь четыре поселенческих

памятника: городище Ачаир V, поселения Розовка I, Старокарасук XIII и Сибирское I (рис. 1, 8–11). Кроме этого, известны поселения, демонстрирующие совместное залегание ирменских и сузгунских материалов – Сибирская Саргатка I, Черноозерье VIII, Розановское городище, Надеждинка IV/V, Алексеевка I, XXI и др. (рис. 1, 1, 3, 18, 20, 21). Ирменские памятники Среднего Прииртышья располагаются значительно южнее и восточнее ареала сузгунских. Они локализируются, по преимуществу, вдоль Иртыша, охватывая лесостепную и предтаежную зоны. Северной границей распространения памятников ирменской культуры является территория нижнего течения р. Тара, западной – памятники долины левого берега Иртыша, восточная граница охватывает долину правобережья Иртыша. Ареалы сузгунских и ирменских памятников частично накладываются друг на друга вдоль Иртыша, в зоне северной лесостепи и предтайги (см. рис. 1). Такая географическая особенность очень явно отразилась в облике сузгунского и ирменского материала на данной территории: именно здесь наблюдается самая высокая степень культурного синкретизма, проявившаяся в обилии смешанных сузгунско-ирменских материалов, послуживших главным источником для предложенных в данной работе выводов.

Долгое время основным направлением изучения эпохи поздней бронзы в Среднем Прииртышье являлось выявление черт, характеризующих каждую из культур в отдельности, в то время как проблем их взаимодействия исследователи касались вскользь [Стефанов, Труфанов, 1988. С. 84]. Как представляется, во многом таким восприятием позднебронзовой эпохи Среднего Прииртышья исследователи обязаны прочно укоренившейся концепции, согласно которой:

- сузгунская культура относилась к культуре «лесного» типа, в то время как ирменская тяготела к миру степей и, по мнению ученых, практически монополюсно занимала лесостепные территории Среднего Прииртышья;

- появление «лесной» сузгунской культуры в лесостепи объяснялось начавшимся в начале I тыс. до н. э. продвижением носителей северной (гамаюно-атлымской) традиции на юг, повлекшим за собой перемещение «лесного» сузгунского населения [Косарев, 1987. С. 292].

¹ Под собственно сузгунскими имеются в виду комплексы, в хронологическом отношении следующие за пахомовскими (раннесузгунскими). В литературе была предпринята попытка включения лесостепных сузгунских памятников в круг пахомовской культуры [Корочкова, 2010], однако, анализируя имеющийся материал, следует признать, что очевидных оснований для этого пока нет.

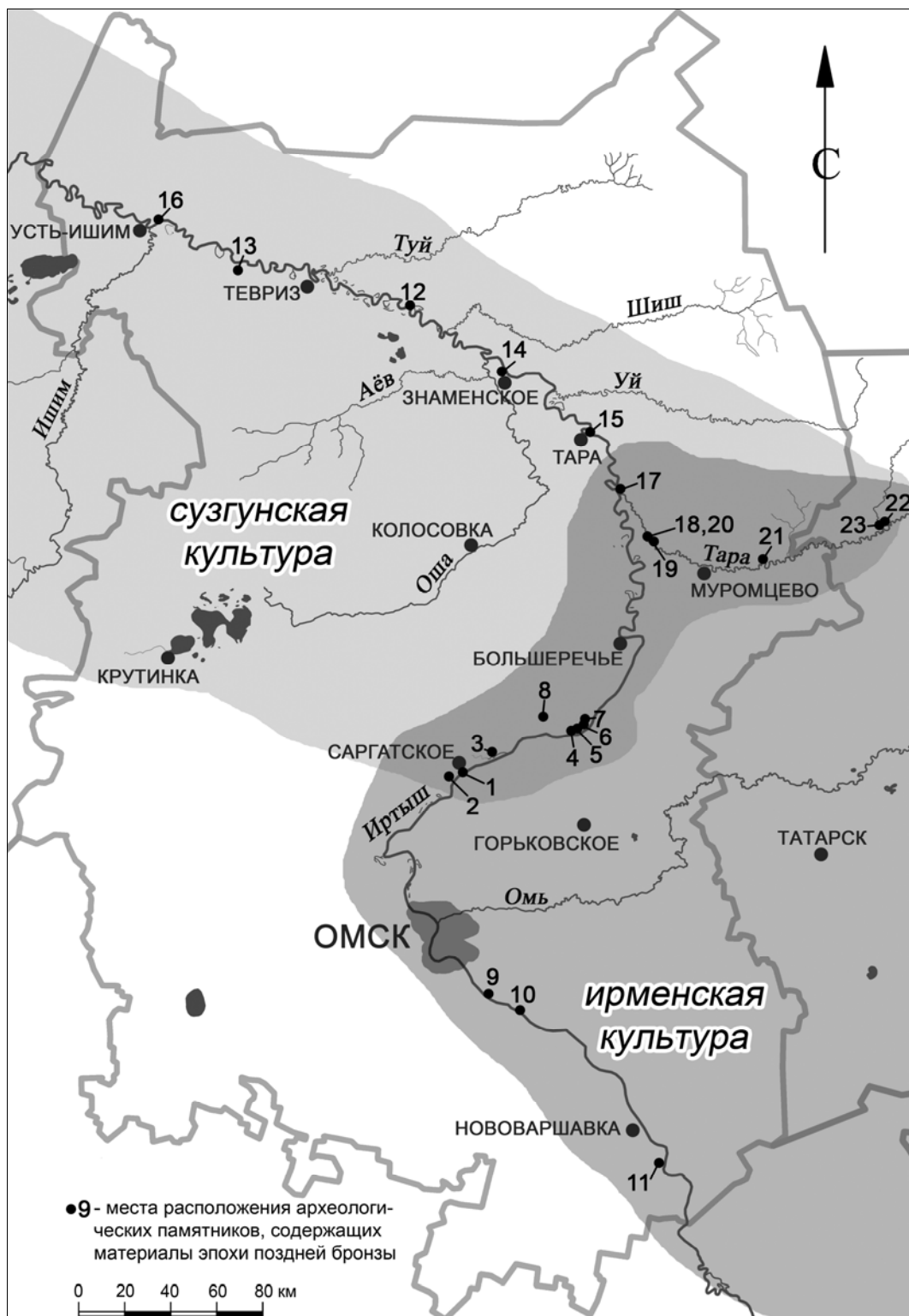

Рис. 1. Карта Омской области с указанием основных позднебронзовых памятников и ареалов сузгунской и ирменской культур: 1 – Розановское городище; 2 – курганный могильник Калачевка II; 3 – поселение Сибирская Саргатка I; 4 – грунтовый могильник Боровянка XVII; 5 – курганный могильник Боровянка XVIII; 6 – курганный могильник Боровянка XXIII; 7 – курганный могильник Боровянка XXVII; 8 – поселение Старокарасук XIII; 9 – поселение Розовка I; 10 – городище Ачаир V; 11 – поселение Сибирское I; 12 – городище Чудская гора; 13 – поселение Кип III; 14 – городище Чудская гора; 15 – Красноозерский археологический комплекс; 16 – Красноярский археологический комплекс; 17 – поселение Прорва; 18 – поселение Алексеевка I; 19 – городище Алексеевка XIX; 20 – поселение Алексеевка XXI; 21 – поселенческий комплекс Надеждинка IV/V; 22 – поселение Новочекино I; 23 – поселение Новочекино III

• признавая, что ирменская и сузгунская культуры находились в продолжительном контакте (о чем свидетельствуют материалы памятников), исследователи не допускали мысли о том, что обе культуры могли сосуществовать на одной территории и тем более в пределах одного поселения [Косарев, 1987. С. 292].

Ситуация изменилась лишь с конца 1990-х гг., когда были исследованы новые поселенческие и погребальные памятники в южно-таежной (Красноярский археологический комплекс, Конашовка III, Кип III; Надеждинка IV/V; Алексеевка I, XIX, XXI) и в лесостепной (Боровянка XVII, XVIII, XXIII, XXVII) зонах Среднего Иртыша (рис. 1, 4–7, 12, 13, 16, 18–21)². Анализ этих комплексов, содержащих сузгунскую и ирменскую керамику, позволил уточнить и, в ряде случаев, скорректировать имеющиеся представления об эпохе. В настоящее время взгляд исследователей на культурно-исторические процессы эпохи поздней бронзы в Среднем Прииртышье изменился в сторону изучения не столько отдельных культурных образований, сколько поиска свидетельств о взаимодействии между ними. Это обусловлено объективными обстоятельствами, связанными с практически тотальным обнаружением совместного нахождения синхронных, но разнокультурных материалов в пределах одного памятника [Полеводов, 2008; Шерстобитова, 2008а, 2008б; Шерстобитова, Полеводов, 2009]. В нашем случае это – совместное, стратиграфически не делимое обнаружение сузгунской и ирменской, сузгунской и красноозерской керамики, а также керамики всех трех культурных традиций. Этот факт, на который до сего момента исследователи мало акцентировали внимание, требует специального исследования и объяснения, что в итоге позволит понять общую логику развития позднебронзовых древностей Среднего Прииртышья.

Разумеется, из факта сосуществования на определенной территории различных культурных образований а priori невозможен вывод об обязательном наличии взаимодействия между ними. Культуры могут населять одну территорию, являясь относительно

но замкнутыми образованиями, не проявляющими каких-либо признаков смешения. Свидетельством взаимодействия культур является не только определенное количество сузгунских элементов, органично вошедших в каноны среднеиртышской ирменской традиции, но и представительные серии смешанной сузгунско-ирменской керамики.

В лесостепной зоне не известно ни одного ирменского памятника, в материале которого полностью отсутствует сузгунский компонент. Как правило, такой компонент обнаруживается либо в виде отдельных сузгунских фрагментов, либо в качестве смешанной сузгунско-ирменской посуды. В зоне предтайги интегративные процессы происходили еще более интенсивно, порождая новые формы смешанной посуды, указывавшие на основные направления межкультурного взаимодействия.

Под смешанным типом керамики понимаются такие сосуды, в орнаментальной схеме которых представлен хотя бы один элемент, являющийся индикаторным для культурной атрибуции сузгунской либо ирменской посуды, в своем сочетании с элементами, характерными для противоположной культурной традиции. К таким элементам, в первую очередь, относятся узоры, придающие «геометризм» ирменской (гладкие и штрихованные ромбы, равнобедренные треугольники, зигзаги) и «нарядность» сузгунской посуде (разновидности ленточных узоров, меандры, «скоба», уголкового вдавления).

В историографии принято делить сузгунскую и ирменскую посуду на две условные группы – «геометрическую» и «монотонную» [Татаурова и др., 1997], что обусловлено их орнаментальными характеристиками: в первом случае – преобладанием в орнаментации сосуда геометрических, во втором – монотонных узоров. Серии сузгунско-ирменской керамики обнаруживаются как в «геометрических», так и в «монотонных» группах. В обоих случаях доля собственно сузгунских и собственно ирменских элементов на сосуде может быть различной, в силу чего смешанная керамика не обладает устойчивыми орнаментальными схемами. Как правило, геометрические узоры на шейках таких сосудов тяготеют к ирменской орнаментальной схеме, к ирменским чертам относятся также сетчатые узоры. В то же

² Упомянутые памятники послужили основной источниковой базой для написания настоящей работы. Благодарю авторов раскопок за предоставленную возможность знакомства с их материалами.

время ирменские геометрические узоры сочетаются с типично сузгунскими «скобой» и прямо поставленными оттисками штампа (рис. 2, 1, 2, 6; 3, 9, 17), ленточными орнаментами (рис. 2, 2, 9) и угловыми вдавлениями (рис. 2, 9; 3, 5, 11–13), с характерными для сузгунской орнаментальной схемы желобками и валиками с насечками (рис. 2, 3, 5, 8, 10, 17; 3, 1, 2, 9, 16, 19), с «елочкой» и рядами лунок (рис. 2, 3, 4, 7; 3, 10).

«Монотонные» орнаменты на сузгунско-ирменской керамике представлены наклонными оттисками и «елочными» композициями, исполненными как гребенчатой, так и гладкоштампованной техникой. Практически во всех случаях на посуде имеются ряд «жемчужин» в основании шейки и воротничок – ирменские элементы, сочетающиеся с сузгунскими угловыми вдавлениями, наклонными и прямо поставленными оттисками штампа, широкими и узкими желобками, диагонально ниспадающими оттисками и лунками (рис. 2, 11, 12, 14–16; 3, 3, 4, 7, 8, 13–15, 18, 19).

Среди посуды этой серии показательное нарушение ирменской геометрической схемы. Как известно, одной из характерных особенностей ирменской посуды является ее четкое деление на «геометрическую» и «монотонную», когда орнаментальное поле сосуда выдержано в единой стилистической манере. Среди материалов смешанной сузгунско-ирменской группы наблюдается исключительное сочетание ирменского «геометризма» и сузгунской «монотонности» на одном сосуде (рис. 2, 3, 4, 17; 3, 5, 9, 12, 17).

Для наглядного отображения описанной ситуации обратимся к результатам статистики – к анализу графов связей, созданных на основе подсчетов соотношения элементов орнамента на керамических сосудах. Составление графов связей сопровождало работу с керамическими коллекциями всех упомянутых выше позднебронзовых памятников Среднего Прииртышья, однако для настоящей статьи были избраны три поселенческих памятника, чей материал наиболее репрезентативен в отношении поставленной задачи поиска свидетельств сузгунско-ирменских контактов и взаимодействия (рис. 1, 15, 21, 23). На графе связей элементов орнамента Красноозерского археологического комплекса выделяется связка (А) «защип» и «штрихованный ромб» (рис. 4, 1), который, вероятно, как раз отра-

жает ирменское влияние, выразившееся в наличии небольшой сузгунско-ирменской группы посуды, обнаруженной на памятнике (рис. 2, 1–6, 17). Наиболее ярко ирменский компонент в среде сузгунской керамики выражен на графе поселенческого комплекса Надеждинка IV/V (нижнее течение Тары). Правое ядро графа А является отражением «геометрической» (классической) группы ирменской керамики, где различного рода геометрические узоры оказались связаны посредством единого сопутствующего элемента – «горизонтальной прочерченной линии» (рис. 4, 3). С наиболее многочисленной среди геометрической группы керамикой (украшенной штрихованными ромбами) прочную связь имеет «валик». Еще один обособленный граф линейных связей отражает орнаментальную модель «монотонной» ирменской керамики, где статистически связанные «защип» и «воротничок», «воротничок», «сетка» и «жемчуг», а также «жемчуг» и «неорнаментированная посуда» образуют самостоятельный граф В, не связанный ни с основным сузгунским, ни с «классическим» ирменским ядром (рис. 4, 3). Тот факт, что ирменская и сузгунская орнаментальные схемы оказались включены в связи основного графа А (при сохранении своих орнаментальных связей внутри этого графа), вероятно, как раз объясняет наличие столь массового количества смешанных сузгунско-ирменских форм именно среди материалов Надеждинки IV/V³. В этой связи уместно обратиться к материалу поселений Новочекино I, III, которые правомерно рассматривать вкуче с остальными нижнетарскими памятниками, поскольку территориально они расположены всего на 20 км восточнее от Надеждинки IV/V по течению р. Тара (см. рис. 1, 22, 23).

Судя по облику материала, Надеждинка IV/V и Новочекино III довольно тесно связаны между собой. Процентное соотношение элементов орнамента сузгунской посуды поселения Новочекино III демонстрирует примерно равное соотношение с аналогичными элементами поселенческого комплек-

³ На поселенческом комплексе Надеждинка IV/V обнаружено более 20 000 фрагментов позднебронзовой (сузгунской и ирменской) керамики, которая именно в материале этого памятника наиболее ярко демонстрирует процессы межкультурных контактов и взаимодействия.

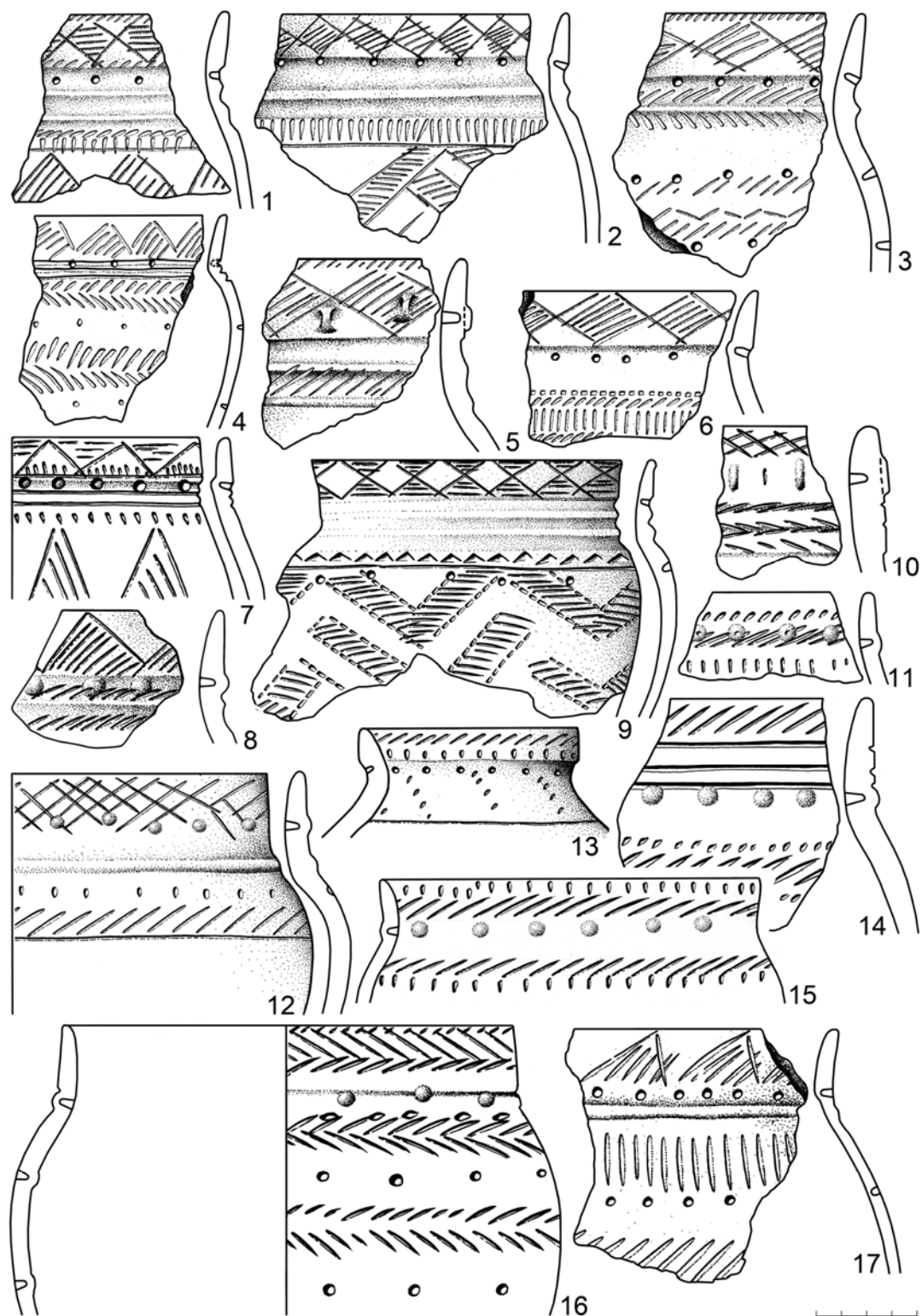

Рис. 2. Сузгунско-ирменская посуда с территории Среднего Прииртышья: 1–6, 17 – Красноозерский археологический комплекс; 7, 8, 10–12, 14, 16 – поселение Алексеевка I; 9, 13, 15 – городище Алексеевка XIX (1–17 – глина)

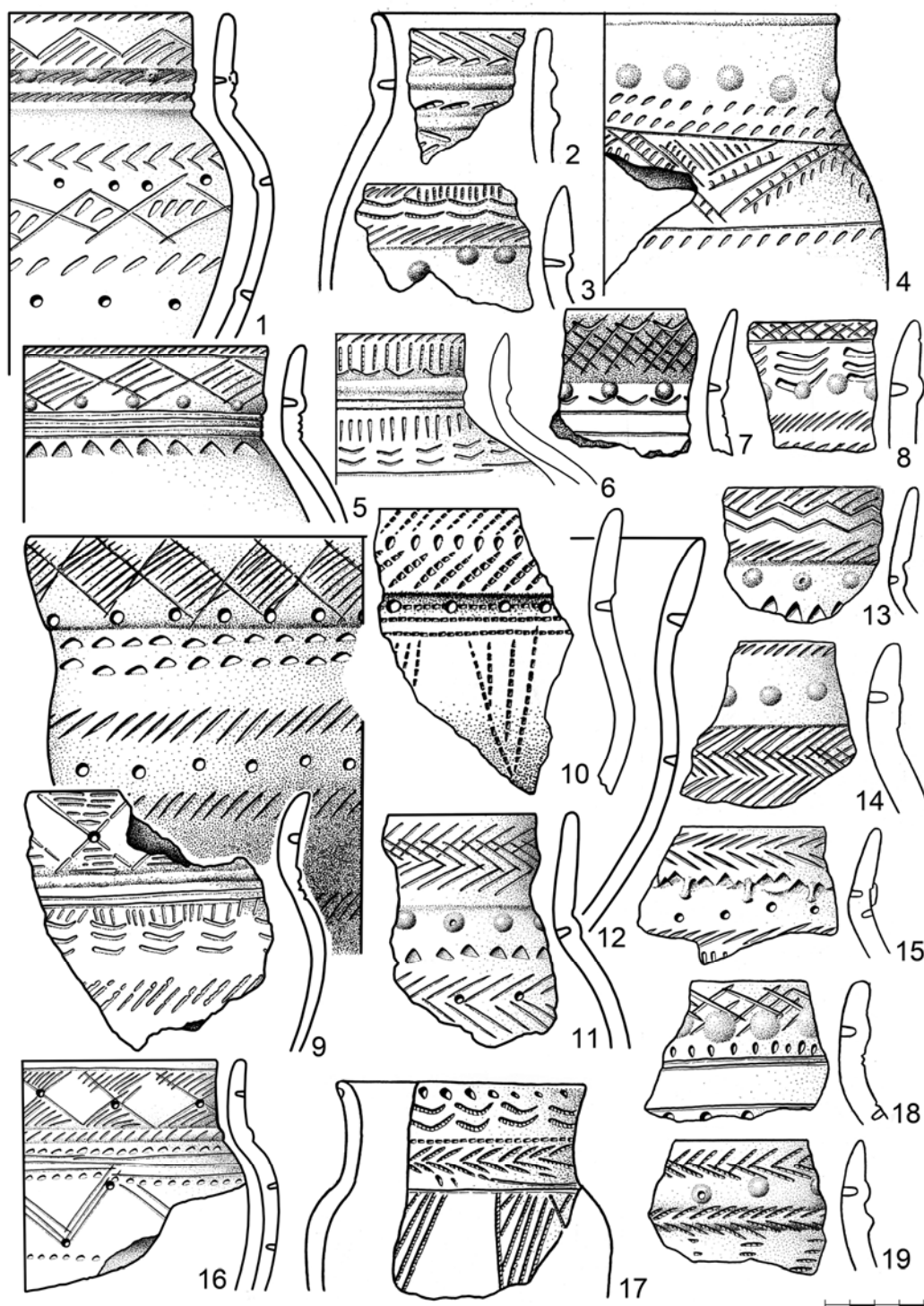

Рис. 3. Сузгунско-ирменская посуда с территории Среднего Прииртышья: 1–19 – поселенческий комплекс Надеждинка IV/V (1–19 – глина)

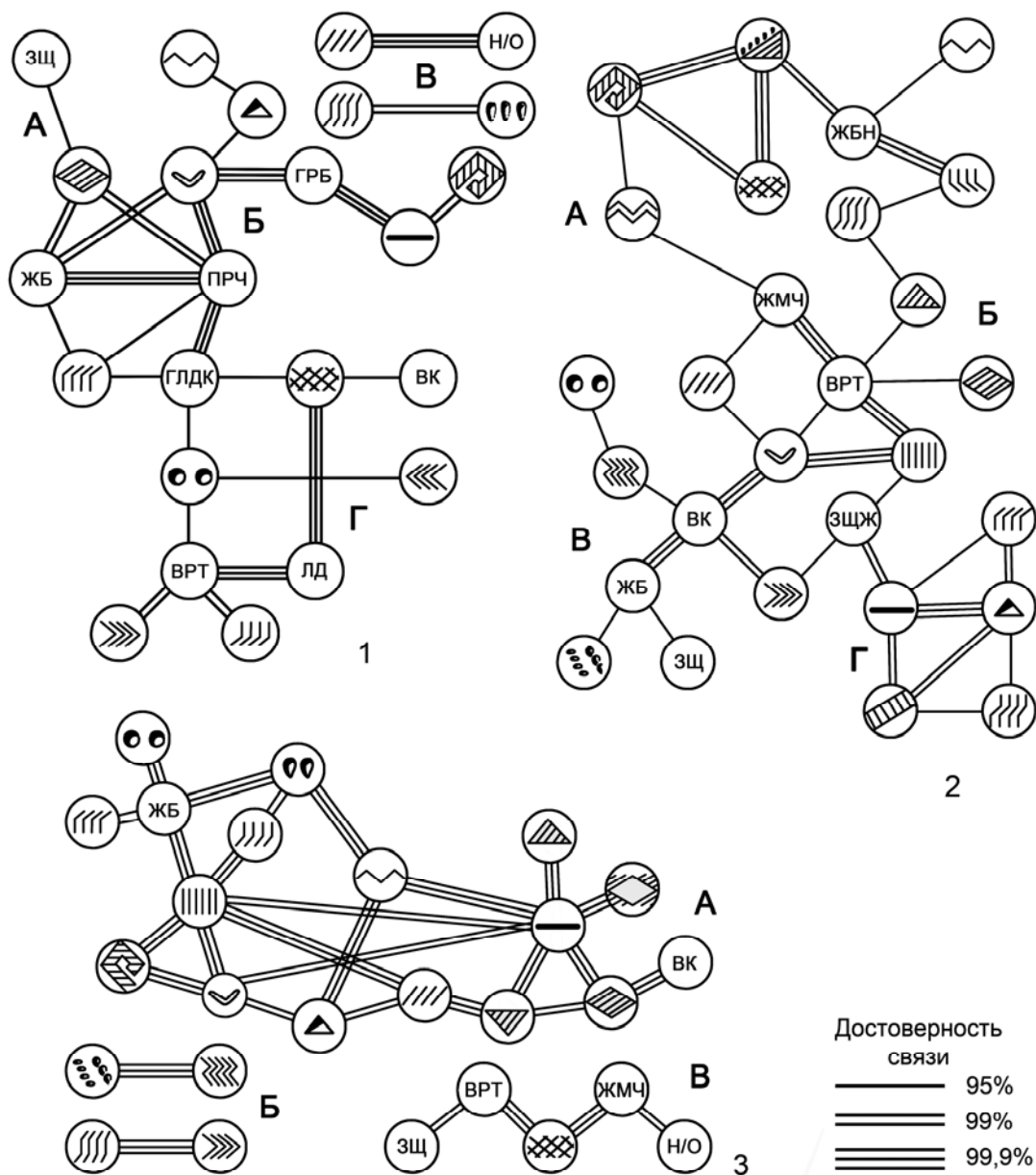

Рис. 4. Графы связей элементов орнамента сузгунской и ирменской посуды: 1 – Красноозерский археологический комплекс; 2 – поселение Новочекино III; 3 – поселенческий комплекс Надеждинка IV/V (ЗЩ – зашип, ЗЩЖ – зашипанный «жемчуг», Н/О – неорнаментированный, ЖБ – желобок, ЖБН – желобок с насечками, ЖМЧ – «жемчуг», ВК – валик, ЛД – лошенная дорожка, ВРТ – воротничок, ПРЧ – прочерченная техника, ГРБ – гребенчатая техника, ГЛДК – гладкоштампованная техника)

са Надеждинка IV/V. Граф связей элементов орнаментов позднебронзовой керамики поселения Новочекино III отражает те интеграционные процессы, которые имели место на памятнике [Молодин, 1985. С. 154]: смешение сузгунских и ирменских культурных компонентов, вследствие чего граф связей

оказался разделен на несколько связок, каждая из которых соотносится с определенной группой посуды. В. И. Молодин, описывая материал поселения, выделил 3 условные группы посуды [Там же. С. 146–152], которые отчетливо видны на графе. Группа 1 (с преобладанием лесных черт) соотносится

со связкой В, группа 2 (с преобладанием ирменских черт) соотносится со связками Б и Г, группа 3 (с преобладанием андронидных мотивов) – со связкой А (рис. 4, 2). При этом именно орнаментальная связка Б демонстрирует сузгунско-ирменские интегративные процессы, располагаясь в центре графа и таким образом связывая все остальные орнаментальные модели. Похожую тенденцию отображает граф поселенческого комплекса Надеждинка IV/V, за исключением того, что андронидный геометризм здесь менее выражен, возможно, вследствие более длительных сузгунско-ирменских контактов. Это, в свою очередь, находит аналогии в материале соседнего поселения Новочекино I, демонстрирующего в керамическом комплексе меньшую степень андронидного геометризма и его наиболее выраженный ирменский колорит [Молодин, Зах, 1985. С. 73–75].

Подобный тип сузгунской посуды (с интегрированными ирменскими элементами орнамента) В. И. Молодин предложил объединить в барабинский вариант сузгунской культуры [Там же. С. 155], что в целом соответствует действительности, за исключением того, что, по всей вероятности, речь может идти не о барабинском, а именно о нижнетарском варианте сузгунской культуры, поскольку более в Барабе синкретичных комплексов, подобных этому, не известно, в отличие от нижнего течения р. Тара. Похожую точку зрения высказали Т. М. Потемкина, О. Н. Корочкова и В. И. Стефанов, предложив объединить памятники типа Новочекино I, III и Прорва в особый – новочекинский – вариант сузгунской культуры [1995. С. 132]. Следует заметить, что материал поселения Прорва [Евдокимов, Стефанов, 1980. Рис. 2], несмотря на свою локализацию в нижнем течении р. Тара (см. рис. 1, 17), вернее соотносить с памятниками типа Алексеевка XIX [Шерстобитова, 2009], где ирменский компонент скорее отсутствует, в то время как Надеждинку IV/V и Новочекино I, III вполне можно рассматривать как синкретичные комплексы. Как бы то ни было, речь здесь идет всего лишь о терминах, поскольку «локальность» такого вида позднебронзовой посуды ни у кого из исследователей не вызывает сомнения⁴.

На других поселенческих памятниках нижнего течения р. Тара интегративные процессы менее заметны. На Алексеевке I ирменская керамика представлена, главным образом, «монотонными» группами и в гораздо более скромном объеме [Там же. Рис. 1; 3]. На Алексеевке XXI присутствует как ирменская, так и смешанная керамика, но она не многочисленна, в то время как основной позднебронзовый комплекс поселения представлен довольно «чистыми» культурными группами [Татаурова, Полеводов, Труфанов, 1997], на Алексеевке XIX ирменская посуда практически отсутствует.

Исходя из вышеизложенного, становится возможным проследить «миграцию» ряда орнаментальных моделей между обеими культурами. Сузгунскими по происхождению элементами в смешанной группе следует признать наличие большого количества ямочных вдавлений, а также горизонтальную «елочку», широкие желобки, валик с насечками, ленточные орнаменты, уголкового вдавления и «скобу». К ирменскому компоненту в среде смешанной керамики относится наличие рядов «жемчуга» в основании шейки сосуда, наличие «воротничка», формованного специально, без помощи желобков, геометрические орнаменты (штрихованные ромбы и треугольники); в ряде случаев ирменское влияние сказалось и на форме сосудов (см. рис. 2, 13; 3, 6, 17). Ирменскую принадлежность перечисленных элементов декора могут подтвердить материалы поселений с минимальными включениями ирменской керамики. В частности, на Алексеевке XIX и Красноозерском археологическом комплексе (где «чистая» ирменская керамика не прослеживается) посуда практически никогда не украшалась «жемчугом», а воротничок формировался, главным образом, с помощью широкого желобка (желобков) в основании шейки [Полеводов, Шерстобитова, 2007]. Аналогичным образом происходило формирование «воротнич-

⁴ Как один из вариантов, можно предположить перемещение населения по нижнему течению Тары и

образование нового поселения либо их совместное существование, разделенное сезонами. Как мы уже упоминали, на Надеждинке IV/V отсутствуют признаки жилищ, углубленных в материк, что косвенно может указывать на сезонный (летний) характер поселенческого комплекса. В то же время на Новочекино III обнаружены и исследованы жилищные западины [Молодин, 1985], что может говорить о постоянном (зимнем) характере данного памятника.

ка» на сузгунской керамике поселений Ишимо-Иртышского междуречья, где ирменский компонент полностью отсутствовал [Полеводов, 1999. Рис. 6, 4–6, 8; 8, 4, 6–9].

Процессы сузгунско-ирменского взаимодействия прослеживаются не только на поселенческих, но и в материале погребальных памятников эпохи. Особо показателен могильник Боровянка XXVII [Полеводов, 2008; Шерстобитова, Полеводов, 2009], чья уникальность связана с выявленным фактом сосуществования в пределах одного пространства сузгунских, ирменских, а также синкретичных сузгунско-ирменских курганов, сооруженных относительно синхронно. Подобная ситуация прослеживается среди материалов Боровянки XVII [Погодин, Полеводов, 2006] и Калачевки II (рис. 1, 2) [Труфанов, 1991].

Одновременно в пределах лесостепной территории Прииртышья наблюдается тесное соседство сузгунско-ирменских комплексов с собственно ирменскими. Речь идет о курганных могильниках Боровянка XVIII и XXIII (раскопки Н. П. Довгалюк), исследование которых дало относительно «чистые» ирменские (и даже позднеирменские / раннесаргатские) материалы. Это может свидетельствовать о том, что ирменское население северной лесостепи хотя и вступало во взаимодействие с сузгунским (напомню, что на всех известных ирменских

памятниках этого региона есть сузгунская посуда), однако сохраняло за собой приоритетную роль в определении «этнокультурного» облика лесостепной полосы Среднего Прииртышья в эпоху поздней бронзы. Несмотря на довольно сильные позиции ирменской культуры, здесь, как и в наиболее северных районах, наблюдается ее взаимодействие с сузгунской, и, что особенно ценно, об этом свидетельствуют закрытые комплексы.

Благодаря исследованию новых и пересмотру материала старых памятников, на сегодняшний день можно говорить о том, что лесостепное Прииртышье в эпоху поздней бронзы не было монокультурным, сузгунская культура к началу I тыс. до н. э. уже существовала здесь, и не только чересполосно, но и совместно с ирменской традицией. Упомянутое продвижение северных (гамаюно-атлымских) групп вряд ли можно считать массовым явлением. Исходя из анализа археологического материала, они проникли в Среднее Прииртышье на этапе, когда процесс сузгунско-ирменского взаимодействия уже достиг своего расцвета.

Несмотря на то, что сама ирменская традиция на Иртыше, находясь довольно продолжительное время в непосредственном контакте с сузгунскими древностями, претерпела некоторую трансформацию (наиболее явно фиксирующуюся на основании анализа керамического комплекса), ей в большей степени, чем сузгунской, удалось сохранить известную каноничность основных типов посуды. По всей видимости, ирменское давление в лесостепи Прииртышья преобладало над сузгунским. Это проявилось не только в экспансии множества ирменских орнаментальных и морфологических характеристик посуды, но также в явном заимствовании у ирменского населения типов украшений, орудия и оружия, погребальной и, отчасти, домостроительной традиции. Тем не менее обозначенное влияние не было односторонним. Сузгунские традиции, как было отмечено выше, изначально внесли свой вклад в формирование облика ирменской культуры на Иртыше, ирменские – в значительной степени определили облик позднесузгунской и – далее – красноозерской культуры на инберенском этапе ее существования.

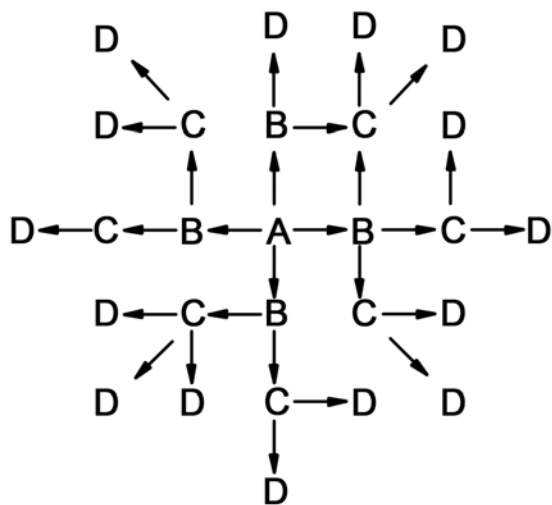
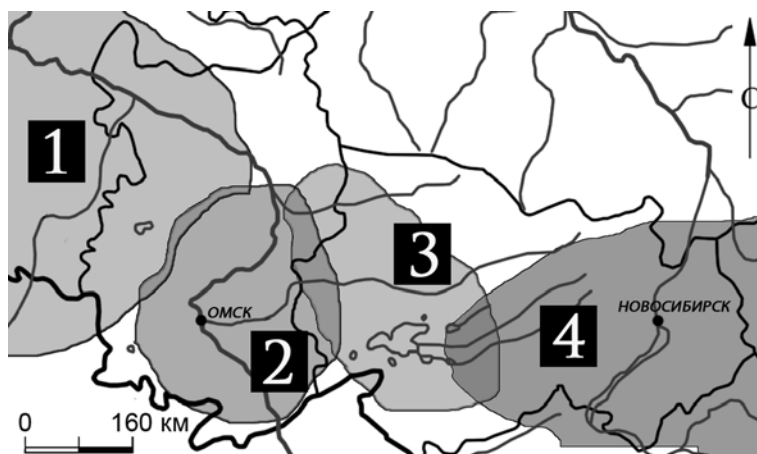

Рис. 5. Модель увеличения детерминации регионального образца: *A* – происхождение; *B* – первая стадия; *C* – вторая стадия; *D* – третья стадия

Рис. 6. Условные области распространения сузгунской и ирменской культурной традиции: 1 – область распространения сузгунской культуры, 2 – область распространения среднеиртышского варианта ирменской культуры, 3 – область наиболее интенсивного взаимодействия сузгунской и ирменской культурных традиций, 4 – область распространения ирменской культуры

Для абстрактной иллюстрации полученных выводов обратимся к предложенной Г. Гиббоном модели увеличения детерминации регионального образца (рис. 5) [Gibbon, 1984. Р. 290–293]. В своей работе автор рассматривает эту модель на примере постепенного пространственного распределения поселений, объединенных наличием одного образца, ведущего свое происхождение от первичного центра. В качестве регионального образца (А) может выступать любая археологическая категория, от отдельного артефакта либо его особенности, до признаков археологической культуры, выделяющих ее именно как культуру. Как видно на примере рисунка, региональный образец распространяется концентрически и опосредованно. Рассмотрим применимость данной модели в качестве наглядной иллюстрации взаимодействия сузгунской и ирменской культур на территории Среднего Прииртышья.

Первоначально необходимо наметить два основных центра, связанных с территорией собственно ирменской и сузгунской традиций. Следует согласиться, что, по всей видимости, своим появлением на Среднем Иртыше ирменская культура обязана продвижению ее носителей из Новосибирского Приобья [Труфанов, 1990. С. 151–152] (рис. 6, 4), а своей прииртышской спецификой – соседством с носителями сузгунской традиции, локализуемой в районе Иши-Иртышского междуречья и существующей здесь в «чистом» виде без каких-либо свидетельств ирменского проникновения (рис. 6, 1). Таким образом, намечаются две

крайние «эталонные» области (№ 1, 4). Область № 3 – зона максимального взаимодействия сузгунской и ирменской культур. Именно для этой территории характерны наиболее яркие образцы смешанной сузгунско-ирменской посуды. Область № 2 – основная территория распространения среднеиртышского (розановского) варианта ирменской культуры. Таким образом, взяв за региональный образец (А) область № 4, оказалось возможным проследить распространение ирменской традиции на территорию Среднего Прииртышья, где особенности каждой из условно выделенных областей были опосредованы спецификой соседних и передавались через них, постепенно трансформируясь (области № 2, 3) и в итоге исчезая (область № 1). Эта модель полностью подтверждается археологическим материалом.

В культурной антропологии известно три типа контактов, обуславливающих процесс и итоги взаимодействия между различными культурными группами: 1) контакты между группами с равным или разным размером населения; 2) между группами, различающимися по сложности их материальной / нематериальной культуры; 3) когда группа входит в среду обитания другой группы, имеющей подобный путь развития, или где принимающая группа достигает контакта с новой культурой в новой среде обитания [Herskovits, 1964. Р. 175]. В случае с сюжетом о сузгунско-ирменском взаимодействии мы имеем дело с третьим типом контактов, когда пришлая ирменская традиция частично заняла юго-восточную часть территории

распространения сузгунской культуры на Иртыше и таким образом определила иную (прииртышскую) специфику своего облика, одновременно трансформируя под своим влиянием сузгунскую традицию.

Список литературы

Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М., Стефанов В. И., Трофименко В. С. Периодизация поселений неолита и позднего бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970. С. 12–51.

Евдокимов В. В., Стефанов В. И. Поселение Прорва // Археология Прииртышья. Томск, 1980. С. 41–52.

Корочкова О. Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). Екатеринбург: Изд-во «УралЮрИздат», 2010. 104 с.

Косарев М. Ф. Бронзовый век Сибири и Дальнего Востока // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 247–313.

Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

Молодин В. И., Зах В. А. Поселение Новочекино-1 – памятник ирменской культуры севера Барабинской лесостепи // Археологические исследования в районах новоостроек Сибири. Новосибирск, 1985. С. 71–75.

Погодин Л. И., Полеводов А. В. Комплекс финальной бронзы могильника Боровянка XVII в Среднем Прииртышье // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006. С. 117–133.

Полеводов А. В. Поселение эпохи поздней бронзы в лесостепном Ишимо-Иртышье // Новое в археологии Среднего Прииртышья: Сб. науч. тр. Омск, 1999. С. 86–100.

Полеводов А. В. К характеристике Погребального обряда населения лесостепного Прииртышья в эпоху поздней бронзы – канун раннего железного века (по материалам могильника Боровянка XXVII) // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул, 2008. С. 69–77.

Полеводов А. В., Шерстобитова О. С. Красноозерское поселение на Иртыше – забытый памятник сузгунской культуры // Археологические материалы и исследования

Северной Азии Древности и Средневековья. Томск, 2007. С. 246–256.

Потемкина Т. М., Корочкова О. Н., Стефанов В. И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). М.: Изд-во «Паимс», 1995. 207 с.

Стефанов В. И., Труфанов А. Я. К вопросу о своеобразии ирменской культуры в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988. С. 75–88.

Татаурова Л. В., Полеводов А. В., Труфанов А. Я. Алексеевка XXI – памятник эпохи поздней бронзы предтаежного Прииртышья // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск, 1997. С. 162–198.

Труфанов А. Я. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного Прииртышья: Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. Рукопись. 202 с.

Труфанов А. Я. Ирменский курган могильника Калачевка II // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск, 1991. С. 72–78.

Шерстобитова О. С. К вопросу об особенностях и итогах сузгунско-ирменского взаимодействия на территории Среднего Прииртышья // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. М., 2008а. Т. 1. С. 453–456.

Шерстобитова О. С. Посуда со смешанными культурными признаками: к вопросу о специфике взаимодействия культур на территории Среднего Прииртышья в эпоху поздней бронзы // VII Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск, 2008б. С. 129–133.

Шерстобитова О. С. Урочище Темеряк: особенности распределения, хронология и культурная специфика археологического материала позднебронзовых поселений // Изв. Алт. гос. ун-та. Барнаул, 2009. Вып. 4. С. 271–276.

Шерстобитова О. С. О применении моделей этнокультурных процессов к изучению взаимодействия культур на территории Среднего Прииртышья в XI–VII вв. до н. э. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2010.

Шерстобитова О. С., Полеводов А. В. Изучение погребальных памятников эпохи поздней бронзы в Среднем Прииртышье в аспекте проблемы сузгунско-ирменского

взаимодействия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2009 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. С. 405–409.

Herskovits M. J. Cultural Dynamics. N. Y.: Columbia Univ. Press, 1964. 478 p.

Gibbon G. Anthropological Archaeology. N. Y.: Columbia Univ. Press, 1984. 455 p.

Материал поступил в редколлегию 09.06.2011

O. S. Sherstobitova

**INTERACTION SUZGUN AND IRMEN CULTURES ON THE TERRITORY OF AVERAGE IRTYSH
IN EPOCH OF THE LATE BRONZE AGE: FORMS, MECHANISMS AND RESULTS**

The publication is devoted to a problem of interaction Suzgun and Irmen cultures in territory of Average Irtysh at the end of bronze age. On the basis of the analysis of an archaeological material of some settlements and burial grounds, features of the mixed type of utensils are revealed, forms, models and results of intercultural interaction are reconstructed, roles of both cultures in this process are determined. Proceeding from mapping Suzgun and Irmen settlements and burial grounds, areas of both cultures and places of their crossing (a zone of northern forest-steppe and a pretaiga) where the most intensive are fixed integrations processes are determined.

Keywords: Average Irtysh, archaeology, a late bronze age, suzgun culture, irmen culture, ceramics, interaction, models of intercultural interaction.